

М
К66

98

В. Коржиков

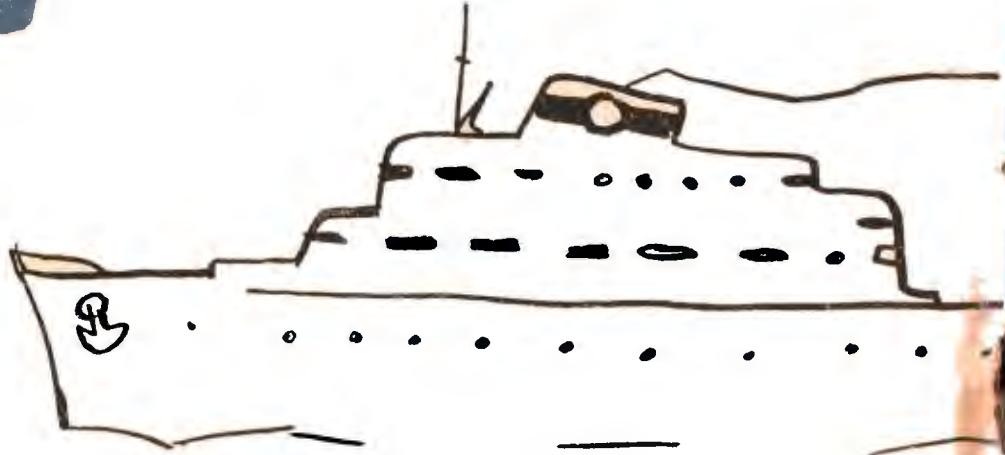
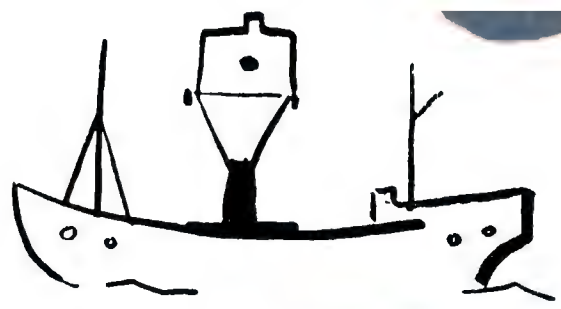
КАК Я ПЛАВАЛ

Издательство
„Детская
литература“

1964

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
МОСКВА
1964**

В. Коржиков

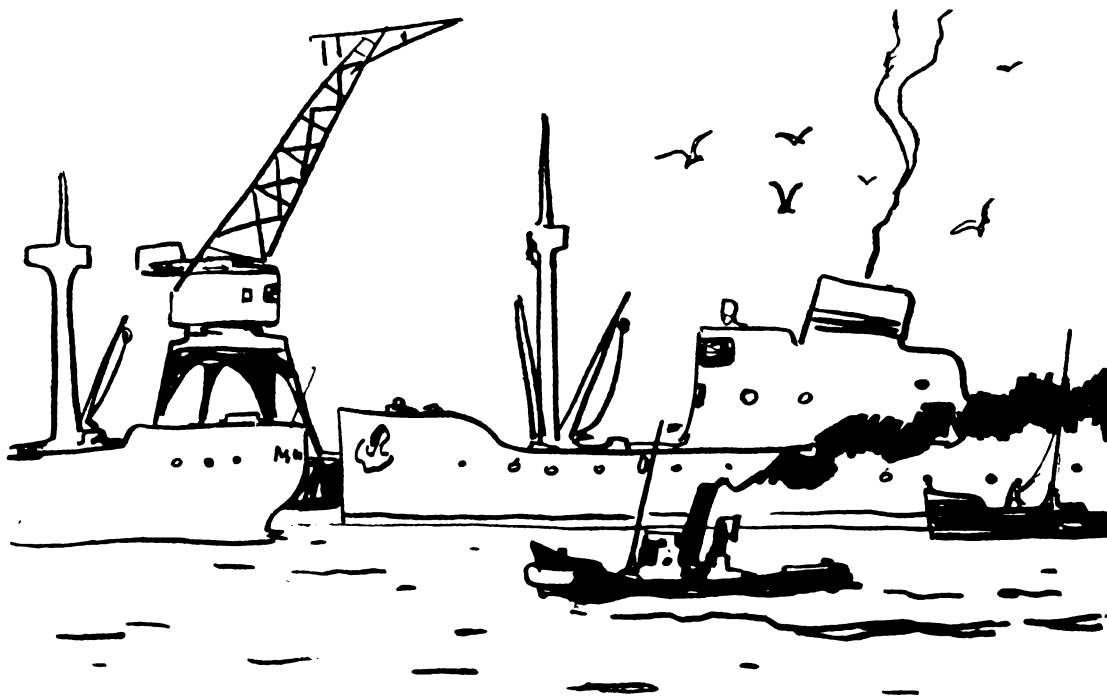
КАК Я ПЛАВАЛ

Рисунки
А. Кокорина

Наш теплоход давно плывёт,
Суров матросский труд!
Под нами океан ревёт,
На Кубу наш маршрут.

*Наш флаг трепещет у кормы,
Плывём мы день и ночь,
Нас Куба ждёт вдали. И мы
Торопимся помочь.*

ПРОЩАЙ, ВЛАДИВОСТОК!

Мы идём в Гавану. Пионеры принесли подарки для кубинских ребят. Один грузчик написал мелом на стенке трюма: „Братский привет революционной Кубе!“

Всю ночь мы не спали. Над палубой грохотали краны. Взлетали лучи прожектора. Сверху гремела команда капитана:

— Выбрать швартовы!

А где-то рядом всё время кричал наш громадный боцман:

— Поторапливайсь! Поторапливайсь!

Мы выбирали из воды тяжёлые стальные канаты, сворачивали их, принимали трапы.

За спиной, казалось, привставали на цыпочки сопки Владивостока и помахивали нам лёгкими грустными огоньками. Мы выходили в Тихий океан, и над нами деловито посвистывал ветер, словно собрался наконец в дальнюю дорогу.

Я было оглянулся, да боцман прикрикнул:

— Некогда зевать!

Наконец прополз по палубе мокрый якорный канат, забрался на отдых в канатный ящик. Грохнул, застыв на посту, якорь. И боцман хлопнул ладонью о лебёдку:

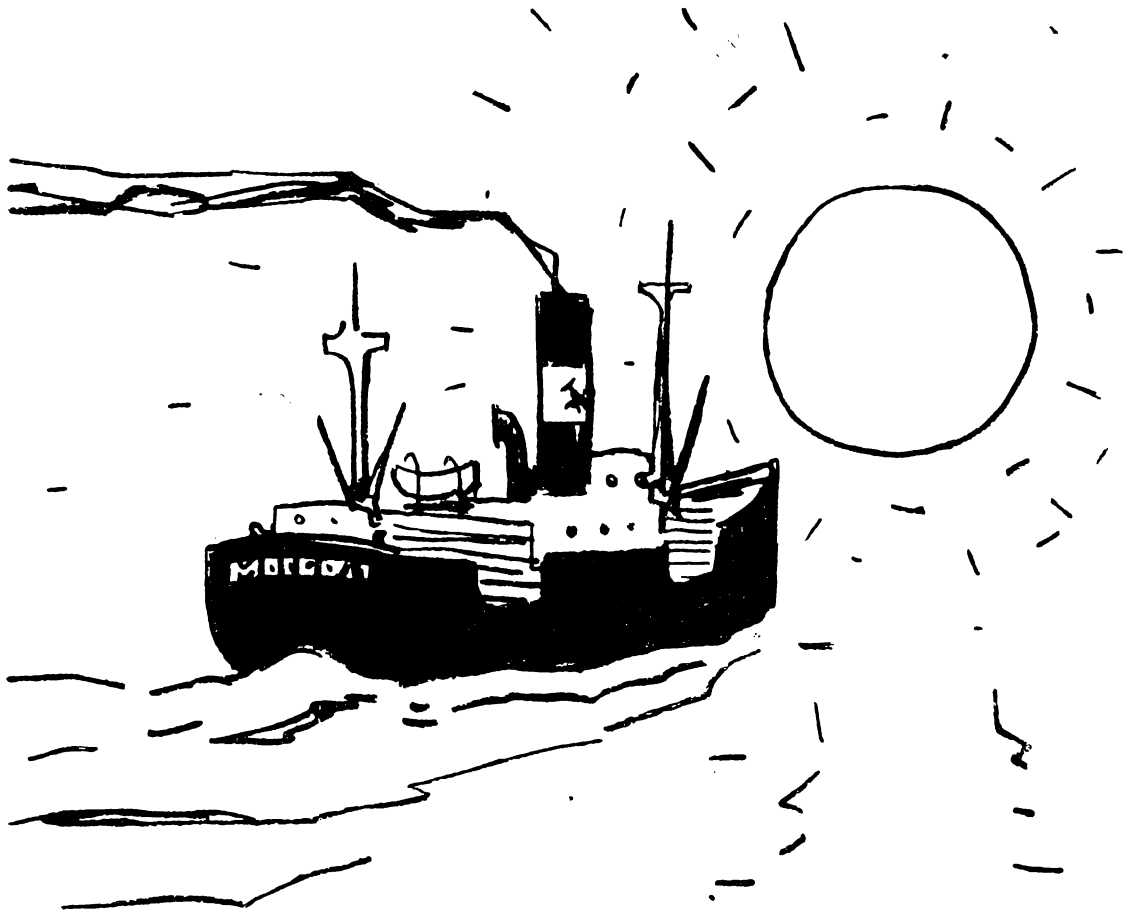
— Лады! Можно спать!

РУССКИЙ ЛЕС

Я пытался уснуть. Не получается. Повернулся к переборке, вдруг слышу: что-то об иллюминатор ударилось и как закричит: „Чив-чив!“ Я встал, выглянул. Прямо за бортом над водой птица носится, чуть волна её не захватывает. Потом села напротив меня, на вентилятор, склонила набок голову, рассматривает. Чудная, куда собралась?

Вышел я на палубу — солнце поднимается. Теплоход его носом подталкивает, словно в мяч играет. Поднимается оно нам навстречу. Океан горит. А вокруг лесом пахнет. Свежим, сосновым. Весь наш теплоход выше головы загружен белыми досками. Смолистые капельки на них светятся.

Крепок русский лес. Везде нужен. В Корее сожгли американцы города — плывёт туда наш лес. В Японии новые дома строят, игрушки делают — и там наш лес нужен. На всякое мирное дело рус-

ский лес годится, всякой стройке — опора. Вот и плывут по всему океану хорошие лесные запахи.

И кедровка, видно, решила, что попала в лес. А может, срубили её дерево, и летит она за лесным запахом через Тихий океан, за Америку, до самой Кубы.

Быстро идёт судно.

Вечером боцман принюхался к воздуху, говорит: — Япония рядом. Сетями, рыбой запахло.

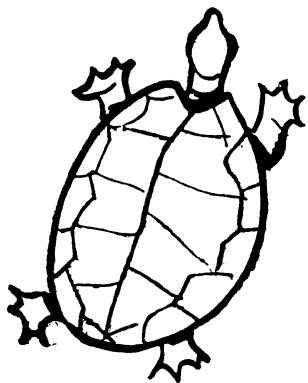
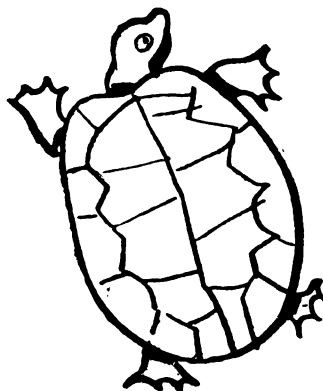
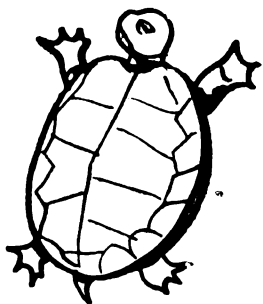
И верно. Через час берег выглянул, огоньки показались. Рядом рыбацкие шхунки замелькали. Японцы кричат, нас приветствуют. Боцман тоже

переступил через борт и рукой помахал: „Привет, привет!“ А сам смотрит на воду и вслух думает:

Зантра нас качнёт. Шторм будет, зыбнёт.

Ночью меня вызвали на вахту. Надел я свитер, робу, открыл дверь на палубу. Мокрой пылью в лицо ударило. Дали мне свисток и послали

вперёдсмотрящим, на самый нос. Справа кого увидишь — один свисток, слева — два. Темно вокруг. Смотреть надо, как бы на кого не наткнуться. Бегу по доскам, за канаты держусь. „Леера“ называются. Только добрался до носа, ветер как завоет и волна сверху летит. Бросился я к борту, ударилась волна о него — брызгами всего сверху так и окатило. Мокрый, озяб, а стоять надо. Волны то вверх подбрасывают, хоть за тучу хватайся, то вниз катят. Будто хотят сбросить с теплохода. Ухватился я за борт покрепче, держусь, а сам думаю: „Как же моя птица в такой шторм поживает, не захлестнуло ли её?“ Тут кто-то за плечо меня тронул. Оглянулся — мой сменный. Пошёл я к себе в каюту. По дороге ищу, где кедровка. Потом вижу — забились в середину спасательного круга. Обжилась. Знает, куда прятаться!

ЧУДЕСА В ОКЕАНЕ

Так и идём. Каждое утро солнце в бок подталкиваем: „Вставай! Работы много!“ Каждый день оно с нами на работу поднимается.

Тепло стало, вода в окне засветилась, любую травинку видно в глубине. Мы в майках и в трусах ходим. Босиком бы побегать, да нельзя: доски подсохли, пошершавели—можно ногу занозить.

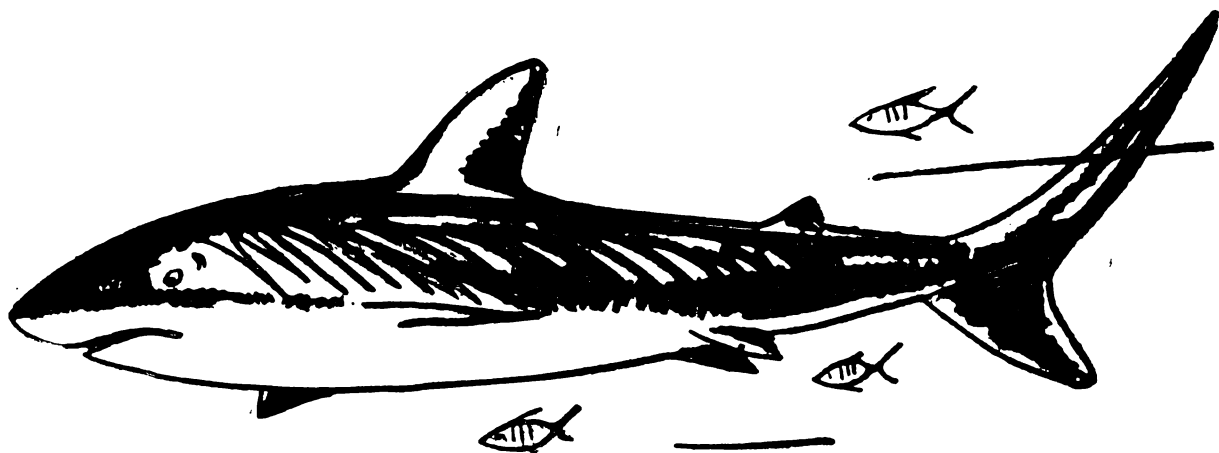
Тут разные удивительные вещи начались.

Стал я на баке с товарищем якорную лебёдку красить. Вдруг в банку с краской что-то шлёп! Даже кляксы в лицо! Что за шутки такие!

— Брось глупостями заниматься, — говорю товарищу.

— Ничем я не занимаюсь, — смеётся он. — Ты в банку погляди.

Посмотрел я в банку, а там рыба трепыхается. Летучая, с крыльями. Сама залетела. Бросился я

к борту, а от парохода по все стороны целые стаи их манархивают. Как маленькие самолётики летят. Далеко-далеко и синеву улетают. Крылышки радуги переливаются.

Кончил и красить, хотел уходить, а товарищ кричит:

Смотри! Акулы!

Надгнали мы грудью на борт, а акулы громадные, боком поворачиваются, на нас глаза таращат — не свалится ли кто.

Одну бортом как ударило, сразу брюхом вверх перевернулась!

Фокусник океан! Чего у него только нет в запасе!

На следующий день целую тысячу морских змей насчитали! А потом черепахи поплыли. Вода синяя, а они жёлтые, тяжёлые. Голову вытянут над водой и гребут лапами. Куда плывут? Наверное, на нас посмотреть хотят.

А скоро вдалеке показалось что-то большое. Тоже коричневое, на волнах колышется. Неужто такая черепаха? Боцман посмотрел, кивнул:

— Черепаха не черепаха, а Америка начинается. Это остров американский.

И верно. Земля. Только верх у неё от зноя выгорел, весь пожелтел, как черепашья спина.

Жара... Все коричневыми стали. Даже боцман скинул ватник.

— Тропики, — говорит.

Ночью все высыпали спать на палубу. Лежим, как на пляже. Ночь чёрная-чёрная. Только простыни везде белеют. Кто песню поёт, кто просто в небо смотрит. Звёзды незнакомые. Большие. Не спится как-то под ними. Хорошо, хоть ветерок овеивает. Американский. Залетел русским лесом подышать. Пожалуйста. Нам не жаль.

ПУСТЬ СВЕТИТ ЯРЧЕ!

Утром я пришёл к боцману. Он спрашивает:

— Америку видел?

— Видел.

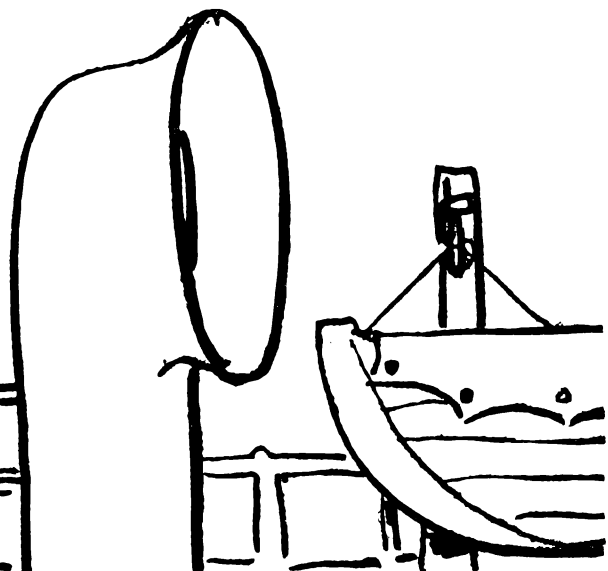
На трубу показывает:

— Серп и Молот, видишь?

— Вижу.

— Хватай суконку, чистоль и полезай. Надраить так, чтобы на всю Америку светило!

Понял я. Добро! Забрался на трубу, сел на подвеску. Океан вокруг раскинулся, синий-си-

ний. А я у него на макушке. Стал суконкой из всех сил герб натирать. Что ни минута — всё ярче он горит. Словно огонь изнутри пробивается. И солнце навстречу идёт. Мне всеми лучами помогает. Разгораются мои Серп и Молот. Америка хоть и вдалеке голубеет, а видит наверняка!

Вдруг от берега какое-то белое пятнышко к нам покатилося. Лёгкое, весёлое. Чуть-чуть приблизилось — шхунка. Идёт на волне, как бабочка вспархивает. Летит прямо на нас. Мачты все белые. Когда совсем подошла к нам, люди к борту набежали. Смуглые. Мексиканцы. А один мальчик чёрный. Негритёнок. Все скинули с головы шляпы — сомбреро, — махать нам стали. На палубе у них сети, на руках чешуя поблёскивает. Рыбаки. А негритёнок, тоненький, забрался на бак, кричит:

— Салют! Советико!

Приплясывает и рубашкой над головой, как флагом, размахивает. И шхунка на волне приплясывает, в голубой воде отражается.

Только вдруг вся она словно вздрогнула. Распахнулась со стуком дверь рубки, и на порог вышел человек. Заросший весь, злой. Даже мне видно — борода колючками. Подошёл он к рыбакам. Одного за плечо волосатой рукой тряхнул. На другого посмотрел исподлобья. А на негритёнка как рывкнет и ладонью о поручень шлёпнул. Хозяин!

Разбежались рыбаки. Шхунка развернулась. Стала уходить. Грустно, тихо. Как в плен. На волну приподнимается, словно оглядывается.

Долго сверху она мне виделась. И уже вдали рассмотрел я над кормой несколько поднятых вверх сомбреро.

Обрадовался. Значит, видят меня. Стал ещё крепче герб драить. Пусть ярче горит! Пусть на все океаны наши Серп и Молот светят!

В ПАНАМСКОМ КАНАЛЕ

Долго шёл наш теплоход. Борта у него солёной коркой покрылись. А у нас от жары кожа клочьями сползать стала.

Вот и Америка горы подняла. Сквозь неё проходить будем. Из Тихого океана в Атлантический. Через Панамский канал.

Раньше этого канала не было. Надо пароходу из Тихого океана в Атлантический попасть — а на пути Америка разлеглась. Посредине узкая, вот-вот сама пополам разорвётся. А не пускает. Объезжай её!

Вот и прорыли люди в самом узком месте канал. Строили его рабочие многих стран, а заняли американцы. Со всех теперь деньги за проход берут.

Подошли к нам два катера. Вдруг с одного американские солдаты стали подниматься к нам на палубу. Гремят по трапу подковами, у каждого на левом боку дубинка, на правом — пистолет.

Спрашиваю я у вахтенного:

— Зачем они к нам?

— Охрана. На все советские пароходы её выставляют. Силу свою показывают. В прошлый раз, когда я через Панаму шёл, они по каютам лазили, чемоданы потрошили.

Вот так охрана! Нужно каюту свою закрыть!

Осмотрели американцы судно. Радиорубку закрыли. Постовых везде поставили.

А со второго катера рабочие-швартовщики подниматься стали. Панамцы. Загорелые. Весело здороваются. Руки нам пожимают, шутят. Один говорит по-русски:

— Как дела, помаленьку?

У всех на рубашках со спины квадратные нашивки. На них написано: „Рабочий Панамской судовой компании“. Как штамп на человека поставили. В первый раз я такое увидел.

Поднимаются рабочие. Американцев стороной обходят.

Тем временем мы к каналу подошли. Впереди мост виден. Северную Америку с Южной соединяет. Интересно, как мы идти здесь будем? Мачты

у нас высокие, ещё ломаем о него. Вот уже и под мост движемся. Что сейчас будет? Наверное, мачты грохнутся. Задрал я голову. Затаил дыхание. А теплоход — раз! — и спокойно прошёл. Ничего не случилось. Мост высоко-высоко над горной оказалась. И небо с облаками сквозь него видно!

В ШЛЮЗАХ

Говорят, мы на теплоходе через гору перебираться будем. „Ну, нет, — думаю. — Такого не бывает, чтобы корабль через гору шагал“.

А верно. Зашли мы в узкий канал. Стенки бетонные, скользкие. Сверху по бокам два маленьких тепловоза встали. Взяли они нас на буксир. Вверх по рельсам полезли, а мы по воде двинулись. Скоро прошли мимо каких-то громадных ворот и остановились перед другими, закрытыми. Задние ворота тоже сдвинулись, и оказались мы на дне глубокой сырой ямы. „Шлюз“ называется. „Куда это нас затащили?“ — думаю. Тут передние ворота приоткрылись, и вода полилась, забурлила. Стала наполнять шлюз. Вода поднимается и нас поднимает. А вот и самый верх! Опять тепловозики выглянули. Пальмы над нами наклонились: „Ну, как поживаете?“

А мост, которого я боялся, оказался внизу. Как будто мы на ступеньку поднялись. Перешли мы в верхний шлюз, а в него опять, как в корыто, воду подливать стали. И снова мы вверх поднялись. Так и перебирались целый день по шлюзам-ступенькам через гору.

АМЕРИКАНЦЫ

Расселись американские солдаты у нас на палубе. Курят. Жуют. Целый день челюстями работают. Из ящиков апельсины достают, бутерброды, кур жареных. И жуют, жуют, жуют. Сначала янки нажуются, а потом уже солдаты-негры подходят. Вместе им не положено. Осторожно все берут, словно стыдятся. Им всё в последнюю очередь. Белым — что получше, чёрным — что осталось. Едят и на начальника, на капрала, поглядывают. Капрал злой. Боятся его солдаты. Чуть покажется ему, что

солдат с нами заговорить хочет, отзовёт солдата к себе и другого на его место ставит.

С одним солдатом я всё-таки поговорил. Молодой. Мимо болота мы шли. Спрашиваю его:

— Крокодилы здесь водятся?

Огляделся он сначала боязливо, нет ли вокруг него крокодилов. Нет капрала. Тогда он говорит мне тихо:

— Есть крокодилы, аллигаторы! — и опять оглянулся. Видно, капрала больше аллигатора боится.

Один наш машинист вынес баян. Сначала вальсы стал наигрывать. Капрал под них даже веселее жевать начал. А машинист меха развёл, как заигрывает „Интернационал“... Капрала словно пятаком по лбу шлёпнули. Красное пятно вскочило. Забегал. На солдат покрикивает. Чтобы не слушали, что ли?

А я стою и радуюсь. Ничего он сделать не может. Нашими песнями ему не командовать!

НЕГРЫ

К вечеру мы вышли из канала. Леса кончились. Впереди океан зарокотал. Атлантический.

Из городка, с берега, нам баржа продукты привезла.

На барже опять негры работали. Выгрузили они всё, а потом самый старый из них, хромой, пришёл к нам, остановился у столовой, осторожно к двери подвинулся, говорит:

— Негры хотят есть.

Мы чай пили. Пригласили его. Стоит мнётся. Головой качает:

Нам нельзя с белыми. Увидит хозяин — плохо будет.

Завернули мы ему в бумагу буханку хлеба, рыбу жареную. Заковылял он на баржу. Идёт по тране, сутулится.

Там под звёздами, в темноте, присели они тихо на борт, разделили всё, поужинали...

Поднялся старик ещё раз к нам, поцеловал свою ладонь, погладил ею борт нашего теплохода и говорит:

— Советский теплоход — хороший теплоход.

ПАНАМЦЫ

Весь день у нас на палубе работали панамские швартовщики. Смуглые, крепкие. Мускулы на руках у них, как кокосовые орехи. Панамцы тянули стальные тросы. Принимали буксир с тепловоза. А когда собирались вместе, шумели, курили толстые, как подводная лодка, сигары. И напевали какие-то песни.

Подошёл я к ним. Они окружили меня. Один маленький толстый спрашивает:

— Судно идёт на Кубу?

— Да, — отвечаю, — в Гавану.

Зашумели они.

— Хорошо! — говорят. — Молодец Фидель! Браво, Фидель!

Капрал рядом вертится, а они смеются, подмигивают... Не любят они хвастливых и заносчивых янки. А маленький панамец говорит:

— Будет и у нас свой Фидель.

Вышли мы в Атлантический океан. И снова к борту два катера причалили. На один военная команда спустилась. Опять молчат. На другой панамцы сходят. Головой кивают, говорят:

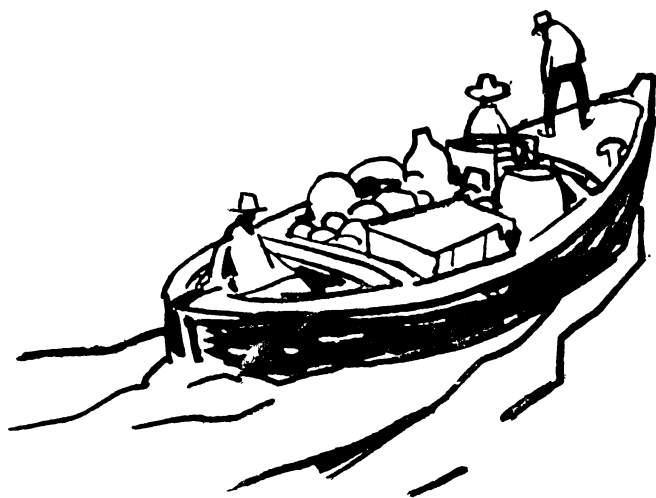
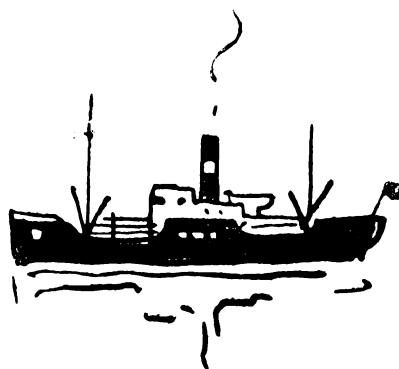
— Счастливо! Попутный ветер!

Сошли все. Один капрал остался — проверить что-то. Вдруг панамский катер закачался. Выпрыгнул из него маленький толстяк и бегом вверх, ко мне. Жмёт руку, головой качает: как это, самое главное забыл!

— Привет Фиделю, — говорит. — Привет Кубе!

Застучали моторы. Ушли катера. Заработал у нас за кормой винт. Забурлила вода. Прощай, Америка! Впереди нас дельфины заиграли. Несутся вперёд, на Кубу путь показывают.

Обязательно передам привет Фиделю!

ГАВАНА

Через несколько суток после того, как прошли Панамский канал, ночью справа по борту вспыхнул огонёк. Маяк! Подошли ближе — огонь запылал ярче. Я разглядел берег. От него жарой повеяло.

— Вот и Куба! — сказал боцман. — Скоро в Гаване будем.

Утром вошли в бухту. На правом берегу поднимается город. Весь светлый, будто сахарный. Пальмы прямо в городе растут. Мы вдоль набережной движемся. Люди уже видны. На многих домах большими буквами написано: „ВЕНСЕРЕМОС! ПАТРИА О МУЭРТЕ!“ — „Мы победим! Родина или смерть!“ У зданий солдаты стоят.

Вода в бухте розовая. То и дело её акульки плавники разрезают. Надо у повара мясо взять. Акулу на крюк поймать попробуем. Хотел я уже к повару бежать — вдруг боцман навстречу:

— Собирайся на вахту, к трапу!

Бросил я всё. Ещё бы, самая первая вахта на Кубе — и моя! Надел я белую рубашку, красную повязку на рукав. Взял у штурмана кубинский флаг. Поднял его на мачту. Рядом с ним наш — советский. Оба они, как два друга, над Гаваной зашелестели, захлопали.

НА ВАХТЕ

Только встал я к трапу — катер к нам подходит. Из него военный поднялся. На картинках я бородачей видел. А этот молоденький, как старшеклас-

сник. Тоненький. С усиками, правда. Тоже вахтенный. Поздоровался: „Буэнос, камарадос!“ — „Здравствуйте, товарищи!“ Револьвер у него на боку.

До самого обеда мы рядом стояли. А когда он собрался уходить, сбегал я в каюту, достал из чемодана значок с Лениным. На грудь ему приколот.

В это время гаванские грузчики на палубе собрались. Увидели, как я значок прикалываю, зашумели:

— О! Ленин! Владимир Ульянов! — И показывают на грудь пальцами. — Мы тоже хотим значок с Лениным.

А у меня всего один остался. И пионерам я его подарить хочу.

— Вас много, — говорю, — а значок один.

Зашумели они опять. Будто на собрании. Кого-

то ищут. Потом смотрю, по палубе седого мужчину ведут. Подталкивают, радуются:

— Вот он! Ему надо дать.

— Почему ему? — спрашиваю я. А значок в руке зажимаю.

— Как — почему! — заволновались грузчики. — Он в Сьёрра-Маэстро был! На Плайя-Хирон воевал! Он барбудо! — И ему кричат: — Доставай документы!

А один грузчик подвёл меня к борту и показал на маленький обгорелый пароходик: он ржавел в углу бухты.

— На этом пароходе янки к нам хотели забраться! Ночью. Наш товарищ с друзьями атаку отбил. Он первый на пароход бросился. У него орден. Он ранен был. Он герой!

Разжал я кулак. Приколол мужчине к синей рубашке значок. Кубинцы обрадовались. „Муча грасья! — кричат. — Спасибо!“ По плечам меня хлопают. Будто им всем награда досталась.

А я тоже доволен. Мой значок будет сверкать рядом с кубинским орденом!

ФРАНЦИСКО

Отстоял я вахту. В город выбрался. Только вышел за ворота — слышу: грузовик затормозил. И кто-то кричит:

— Э-гей!

Оглянулся — машина доски с нашего парохода везёт. Шофёр меня узнал.

„Садись! — показывает. — Прокачу!“

Забрался я в кабину. Тронулись. Посмотрим, куда наши доски едут.

Водитель мне на всё глазами показывает: „Нравится Гавана? Красивая Гавана!“ Смеётся и поёт что-то весёлое.

Вот мы мимо зенитной батареи проехали. Среди больших домов остановились. Шофёр затормозил, выглянул в окно, крикнул кому-то:

— Э-гей, Франциско!

На подножку к нам прыгнул негритёнок. Руку мне, как взрослый, протягивает.

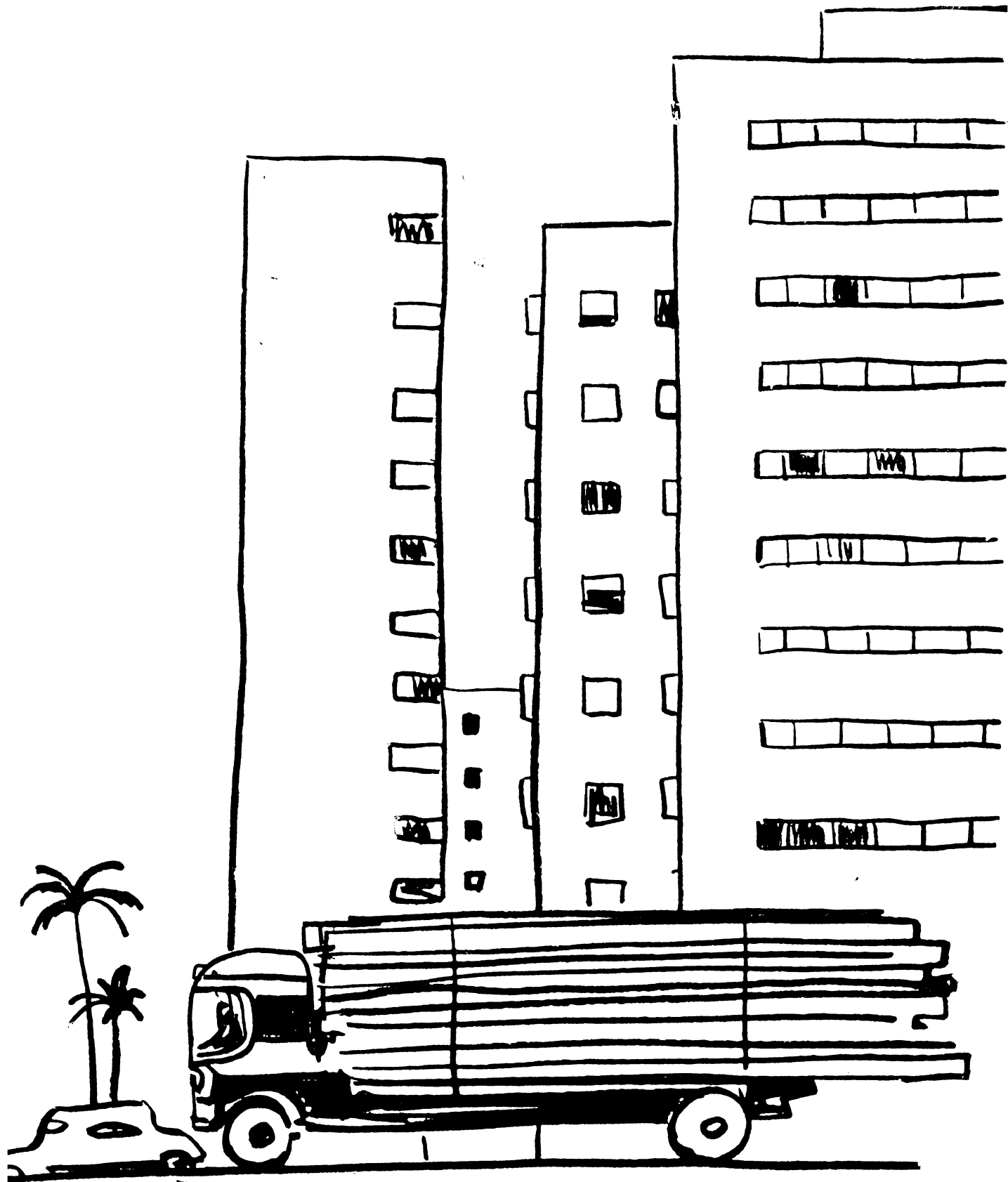
Выбрался я из машины, а Франциско меня по улицам уже тянет.

„Смотри!“ — показывает.

Из наших досок строительные леса уже сделаны. Новые дома поднимаются. По белым стенкам тень от Франциско движется. Смеётся мальчишка:

— Два Франциско идут!

Тут гром ударил. Молния в море нырнула. На землю будто водопад сорвался. Шофёр опять в кабину вскочил. Дверцей хлопнул. Мы в дом бросились.

Франциско меня вверх по ступеням повёл. Стены вокруг цветные. Одна красная, другая коричневая. Вошли мы в комнату. Столы стоят. На столе глобус. Крутанул его Франциско, серьёзным стал. Голову выше поднял. Говорит:

— Это школа. Я здесь учиться буду. Так мне Фидель сказал.

— Ты видел Фиделя? — удивился я.

— Да! Он меня сам в школу привёл. Он мне руку пожал! Эту!— И Франциско гордо протянул вперёд ладонь.

В ЗООПАРКЕ

Скоро дождь ушёл в сторону. Мы с Франциско пошли в зоопарк. Купили эскимо. По дорожке навстречу нам павлин идёт. Хвост распустил. Свер-

кает весь. Подошёл к Франциско, наклонил набок голову. Разглядел что-то, и — хватать! — от эскимо только одна палочка осталась! Рассердился Франциско, пальцем грозит:

— Нельзя всё сразу. Делиться надо, а не хватать! Нехорошо!

А павлин опять на него одним глазом смотрит: что же здесь нехорошего? Я только попробовал.

Вдруг мы какой-то шум услышали. Что-то рядом по воде шлёпает. Побежали мы на шум, к бассейну. Там крокодилы де-

ругся. Зелёные. Хвостами бьют. Вот-вот сожрут друг друга.

А выше, в клетках, обезьяны со стенки на стенку прыгают. Кричат, волнуются. Вниз, на крокодилов, головой показывают.

Франциско только чёрными плечами повёл: чего волноваться? Обычное дело. Крокодилы. Они всё равно как янки.

У зоопарка я ещё бассейн увидел. Большой, глубокий. В таком только слонам или бегемотам купаться. Спрашиваю:

— А кто здесь был? Бегемоты, что ли?

— Нет! — засмеялся Франциско. — Здесь один американец купался. Это его бассейн.

Вот так да! Одному человеку и такой бассейн!

— А теперь? — спрашиваю.

Посмотрел на меня Франциско лукаво, разбежался — и в воду. Вынырнул, головой тряхнул, лёг на спину и помахал мне ладошкой, которую пожал Фидель.

У ФИДЕЛЯ

Вся Гавана лесом пропахла. Свежим, сосновым. Уже почти все доски с нашего теплохода выгрузили. Я песни кубинские петь научился. Про Фиделя. А Фиделя ещё не видел. Вдруг уплыву и привет ему не передам? Ни от пионеров, ни от панамцев...

Только как-то говорят мне вахтенные товарищи:

— Сегодня вечером приезжай в отель „Гавана Либре“ — это гостиница. Может, там Фидель будет.

Собрался я ехать. Да запоздал на автобус. Тут катерок кубинский у борта затарахтел, огоньком зелёным посвечивает. Спрашивает меня рулевой:

— Товарищ, куда торопишься?

Говорю:

— В „Гавану Либре“.

— О! — закивал он важно головой. — Садись, садись!

Не заметил я, как на другой берег выбрались. Тут машина встречная идёт. Остановил я её, спрашиваю водителя:

— Как в „Гавану Либре“ попасть?

Он дверцу открыл, говорит:

— Садись, амиго, подвезу.

Уже темнеть стало. Вокруг вспыхнули неоновые лампы. Засверкали огнём витрины. Люди какими-то фиолетовыми стали. Наконец мы подъехали к отелю. Автомобилей вокруг много. Ходят солдаты, милиция. Тут и товарищи меня встретили.

Поднялись мы в зал, и вдруг кто-то крикнул:

— Фидель!

Не успел я оглянуться — вокруг него толпа шумит. Все ему знакомые. А мне ничего не видно. Встаю на цыпочки. Только берет на его голове вижу. Тут мои товарищи ему что-то сказали. Огляделся Фидель, поискал кого-то, спрашивает:

— Так где же матрос? Зовите его сюда!

Потом повернулся ко мне, руку протянул. Тут я его рассмотрел. В военной форме, высокий, глаза зоркие. Про Тихий океан расспрашивает. Сколько в море были? Что привезли?

— Лес, — говорю.

— Так это с вашего теплохода доски везут?

А сам глаз прищурил: видно, думает, что из леса строить будут. Потом говорит:

— Спасибо, друг, спасибо!

Пожал он ещё мне руку и выступать стал. Про революцию говорил, про Кубу и что кубинский народ победит любых врагов, потому что есть у него верные друзья.

Ночью мы возвращались на теплоход. Уже все звёзды сверкали. По улицам ходили патрульные с автоматами, а я вспоминал Фиделя и хотел быть его солдатом.

Но матросом тоже неплохо. Не зря мне Фидель сказал: „Спасибо, друг!“

КАРАКОЛЕ

Уже неделю мы стояли в порту Касильде, и каждое утро, выходя на палубу, я слышал тоненький голосок:

— Сеньо-ор, караколе! Караколе!

Это кричала Тереза. Маленькая дочь рыбака. Дом их стоит на сваях. Прямо в море. Он пахнет рыбой. И под ним шелестят волны. Плавают маленькие сардины. И колышется морская трава. По берегу, как муравьи, бегают крабики. Прямо к дому привязана лодка. Тереза забирается в неё. Поднимает красивую раковину. Показывает и кричит:

— Караколе, караколе!

Раковины красивые, розовые внутри. И Тереза дарит их нам. Они есть уже в каждой каюте, а Тереза всё привозит новые. Ей очень хочется, чтобы в Советском Союзе знали, какие красивые раковины есть в её море!

У меня уже несколько раковин, а Тереза всё говорит:

— Я привезу тебе самую красивую, самую большую! Мучо, гранд!

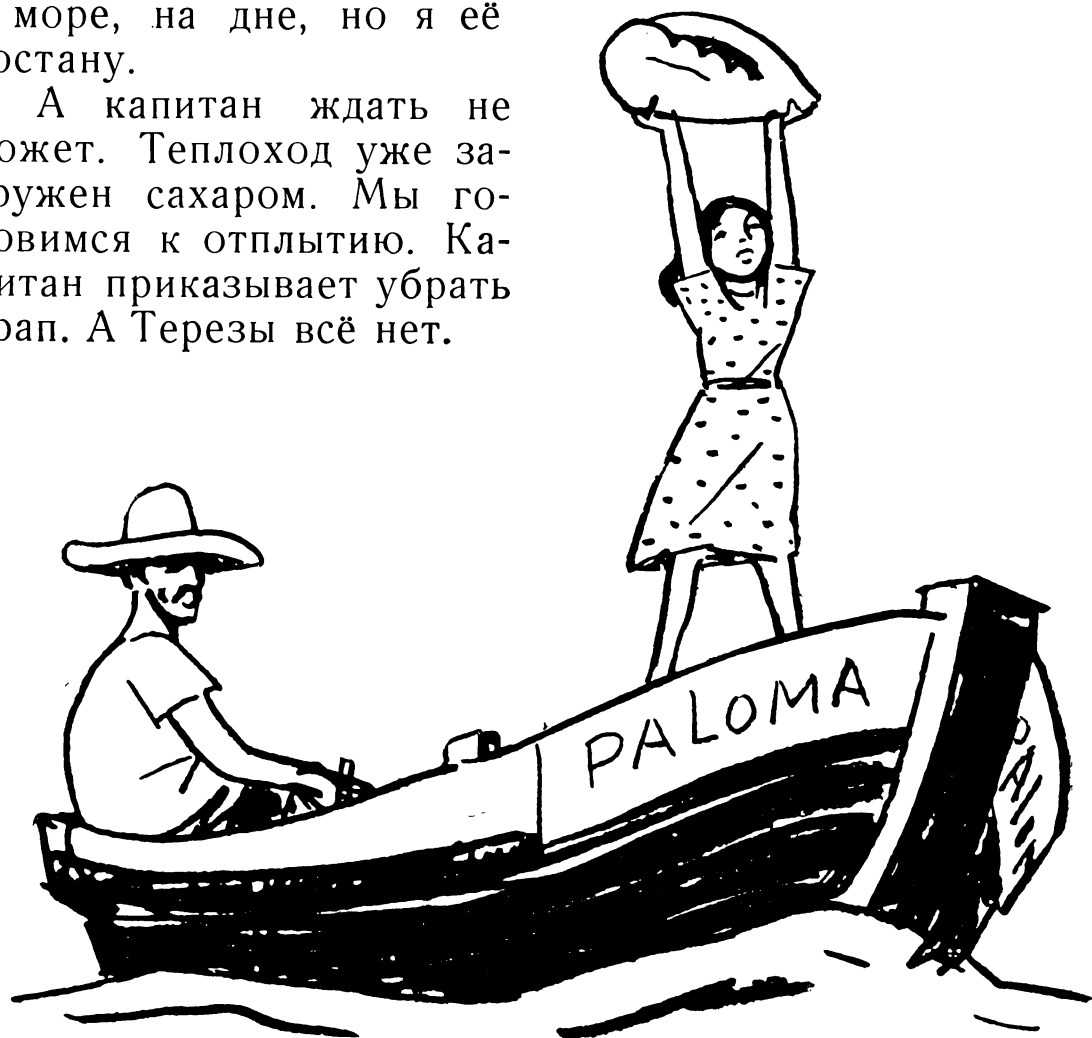
С Терезой мы подружились. Я вожу её по теплоходу, и она даёт мне руку. Чужому человеку руки не дают. Моряки дарят ей кусочки розового мыла, флакончики с одеколоном.

Сегодня Терезы нет. Мы уходим в море, а Терезы всё нет! Удивительно!

Вчера она узнала, что мы уплываем, и сказала:

— Попроси капитана, пусть он подождёт, я привезу тебе самую большую караколе. Она ещё в море, на дне, но я её достану.

А капитан ждать не может. Теплоход уже загружен сахаром. Мы готовимся к отплытию. Капитан приказывает убрать трап. А Терезы всё нет.

И вдруг из-за борта доносится тоненький крик:
— Караколе! Караколе! Сеньор, караколе!

Я вижу, как к нам приближается моторная лодка и Тереза, мокрая, в стареньком платице, поднимает над собой громадную раковину. С неё ещё каплет вода. Свисают водоросли. Но такой раковины никто из нас не видел.

Я беру её из рук Терезы. Трап поднимается. Теплоход медленно уходит. И девочка долго машет нам ручонкой.

Теперь мы снова в океане. На столе у меня в каюте раковина. Она очень большая. Я слышу внутри неё гул. И мне кажется, что это шумит море у берегов Кубы. А на берегу стоят солдаты с автоматами, а недалеко от них — домик на сваях. Под ним плавают серебристые сардины, колышутся водоросли, и девочка в лодке долго машет мне вслед рукой.

Но совсем другое море рокочет уже вокруг нас. Средиземное.

НЕОЖИДАННОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Вот что случилось у нас в Средиземном море.

Каждый вечер играли матросы на палубе в волейбол. Натянули сетку. А мяч к штанге капроновой ниткой привязали. Идёт судно, бегут волны

ему вдогонку, а на палубе матч. Бегают мяч вдоль сетки, как собачонка вдоль забора на привязи. А полетит за борт — нитка его у самой воды задержит.

И дельфины его головой уже подталкивали, и акула пасть раскрывала... Вокруг земного шара обошёл, как матрос. Да и разлинован он весь в тельняшку. Целый день лежит от солнца подальше, между трюмами. Ждёт, когда друзья работу кончат. Кончили — у него работа начинается.

И на этот раз играли матросы на палубе, а волны за пароходом бежали.

Бегут — всё выше поднимаются, так бы и подхватили мяч. А он летает, словно их подразнивает. Тут кто-то из всех сил ударил. Нить лопнула. Ахнула вся команда. Кто-то высоко подпрыгнул... Задержать бы мяч, да где там... Перелетел он через борт прямо в воду. Волна волне его будто

головой подталкивает и всё дальше, дальше от парохода уводит в сторону маленького островка. Сверкают волны от радости. А мяч грустно покачивается.

Налегла команда грудью на борт. Вздыхает горестно, а мяч всё дальше и дальше плывёт себе к островку. Теплоход из-за мяча не остановишь! Капитан судьёй был. Руками развёл, пошутил:

— Мяч знаменитый. Вот и высадился на знаменитом острове Икария.

Ого! Тут все на островок внимание обратили. Маленький он. Каменистый. А действительно, знаменит. Ещё в детстве в легендах я про него слышал.

Жил у одного царя великий мастер Дедал. Много интересных вещей он сделал. А держал его с сыном Икаром царь как пленников. Не хотел, чтобы мастерству Дедала и другие радовались. Но и Дедал не хотел жить в плену. Сделал из птичьих перьев крылья, скрепил их воском, надел на себя и на сына и говорит ему:

„Сейчас мы полетим. Но не поднимайся высоко к солнцу, иначе ты погибнешь“.

Забыл Икар совет отца. Он солнце любил! Небо любил! Поднялся он высоко-высоко. Расплавили горячие лучи воск на перьях, и начали крылья ломаться. Вот-вот погибнет Икар. Понял он это и рванулся вверх, чтоб хоть в последний миг рядом с солнцем побыть... Вынесли волны его тело к острову. И назвали люди этот остров Икарией.

Тихо стало на палубе. Наверное, все эту легенду вспомнили. Море вокруг шелестит, а на волнах солнечные блёстки колышутся. Будто перья из крыльев Икара.

ЕЩЁ ОДНО СОБЫТИЕ

Подошли мы к самому острову. Вдруг радист из рубки выскочил, руками размахивает:

— Слушайте!

И радио заговорило:

„Внимание, внимание! Передаём сообщение ТАСС...“

Бросились мы ближе к репродуктору, слышим:

„Впервые в истории человечества совершён групповой космический полёт... Самочувствие космонавтов отличное...“

Тут на палубе шумно стало, как в Москве на Красной площади. Ещё бы! Над нашей головой космонавты летают под тем самым солнцем, где Икар летал.

А тут в небе ещё две розовые точки засверкали. К нам катятся. Они! Капитан в трусах по палубе побежал, кричит наверх:

— Салют, салют давайте!

Только и без него уже гудок дали длинный, протяжный. Вот если бы космонавты услышали!

И пароходы встречные идут: болгарские, японские, итальянские — первые нас приветствуют, будто мы тоже космонавты.

А я смотрю, как солнце садится, как все блёстки на воде колышутся, и думаю: „У наших крылья крепкие. Не расплавятся“.

* * *

Несколько дней двигались мы Суэцким каналом вдоль африканского берега. С обеих боков пустыня дымится, воздух, как дым от папиросы, колышется.

А если где-нибудь пальма стоит, так под нею чуть не целый город прячется.

Я на палубе работал. Ржавчину молотком сбивал. Гул кругом, будто тебе в уши колокол сунули. Нудное это дело, а никуда не денешься. В тропиках сегодня не почишишь—завтра ржавчина всё насквозь проест.

Стучу молотком, а сам иногда на берег посматриваю.

Вон араб в халате, с белой повязкой на голове. Верблюда ведёт. Вон рыбаки у берега рыбу подбрасывают в руках, видно, с покупателями торгуются.

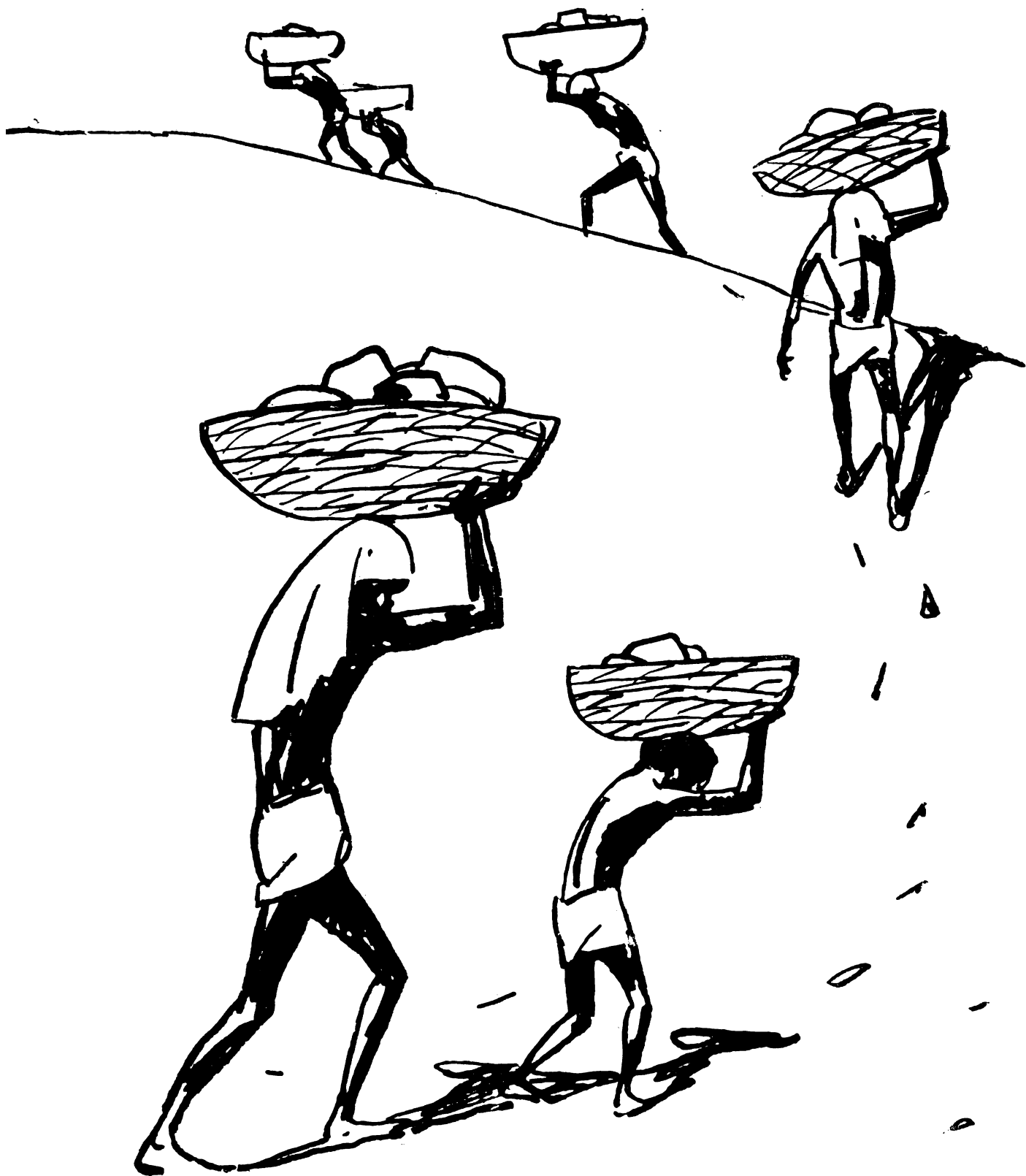
Вдоль канала грузчики суеются, а кое-кто из прохожих останавливается, рукою нам машет.

— Гляди! — толкает меня товарищ.

Я отрываюсь от работы, смотрю на берег из-под ладони, киваю.

— Привет! Ох, и жарко тут у вас!

Прохожий улыбается, будто понимает, о чём я говорю.

Выбрались мы из канала.

В интересном озере выкупались. Нырнёшь в него, а оно тебя вверх, как мяч, выталкивает. Я тонуть пробовал — не получается. Лёг на спину, лежу, а на груди мелкие крупницы соли оседают. Уж очень солёное!

Красным морем шли.

Горы вдалеке обгорелые, пепельные, будто их только что из печки вытащили. Кажется, мокрым пальцем прикоснись — зашипят. По четырнадцать лет здесь дождей не бывает. Глухие места. Одни акулы в воде шныряют.

А встретится пароходик — торопится изо всех сил: скорей бы из этого пекла выбраться.

Я боцману говорю — мы с ним переборку красили:

— Ну и глушь. Скорее бы уж отсюда.

Боцман только кистью пошире повёл:

— Кому — глушь, кому — слава.

— Какая уж тут слава! — смеюсь.

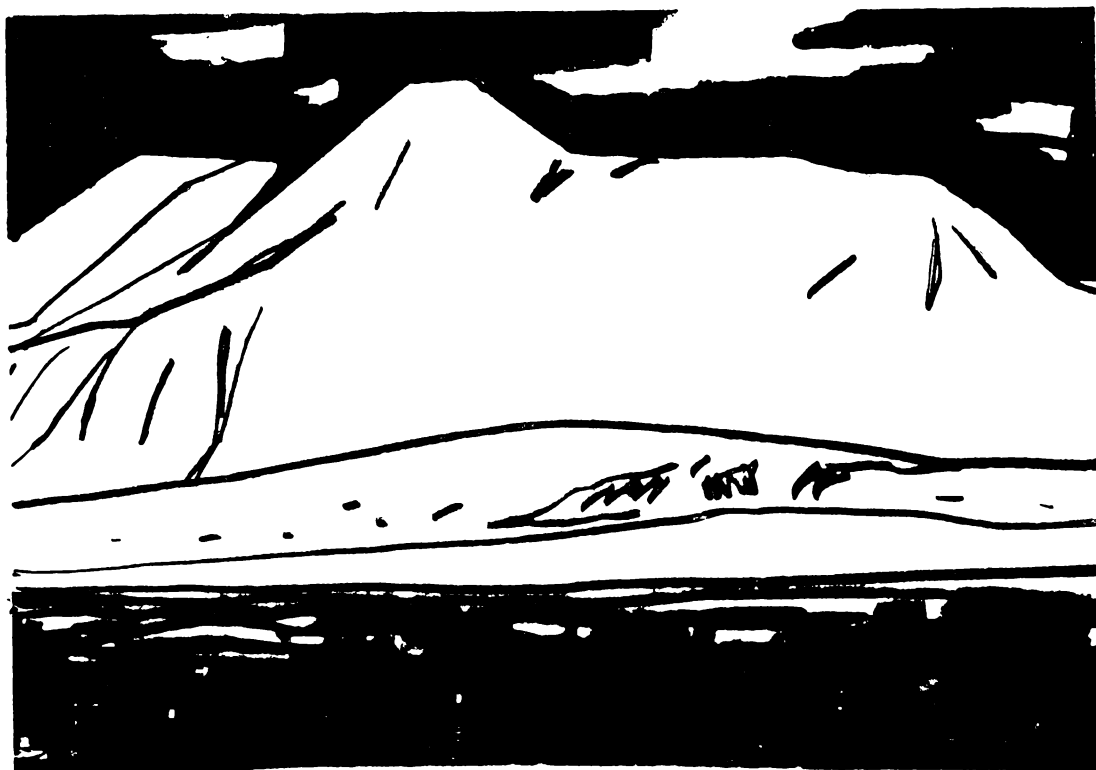
— А ты про это место ничего не слышал?

— Нет.

— И про танкер „Советская нефть“ тоже не слышал?

Я головой покачал.

— Эх ты, моряк! — Боцман кистью на скалу показал. — Мыс, видишь? Это край Африки. За ним как раз ночью французский пароход „Жорж Филиппар“ гореть начал. Пассажирский. Народу на нём — уйма. Шум, крики, а тут ещё заштормило. Стали на помощь звать. Был где-то поблизости немецкий пароход, и английский был. Не пошли. А наш танкерок где-то подальше „шлёпал“. В танках бензиновые пары. Хуже любой взрывчатки.

А капитан принял радиogramму — ответ дал: „Держитесь, идём на помощь“.

Развернулся — и прямо к французу.

— С горючим?

— Слушать надо. Подошли к „Филиппару“, а от него ветер во все стороны пламя несёт. А всё-таки подошли. Пожар потушили, людей взяли. Тут уж и немец и англичанин на помощь заторопились...

— А что с „Советской нефтью“ стало, не обгорела?

— Живёт старушка! У нас, по Тихому океану, бегают.

Тут про Тихий океан, про Владивосток вспомнили, домой захотелось. Оторвались от Африки, погудели на прощание — и быстрее домой. У нас ещё целый Индийский океан впереди!

В ИНДИЙСКОМ ОКЕАНЕ

Вот и Индийский океан нас качает. Каждый день отмечает штурман на карте пройденный путь. Маленькая чёрточка получается, а в каждой чёрточке, как вспомнишь, то шторм, то ночь бессонная. Здесь целых семь чёрточек. То вверх, то вниз. Целую неделю нас качало и с курса сносило.

А у этой чёрточки своя, особенная история.

Стоял я как-то у поручней, на воду смотрел. Снова летучие рыбы порхают, кокосовый орех плывёт мимо. Бабочка на нём паруском крылья сложила. Вот медуза качается — громадная, оранжевая. Опять жара. Не знаешь, куда деться. Пошёл я в каюту, лёг на палубу, вдруг слышу за дверью голос:

— Ну стой же, дура! Ещё ходить я за тобой должен!

Кто-то ругается, а голос упрашивающий. Выглянул я — а это плотник наш, неуклюжий, толстый. Весь потный, идёт в громадных бутсах. Блюдце с водой в руках держит. Осторожно ступает. А впереди него ласточка по палубе стучит. Так и слышно в тишине: тюк, тюк, тюк... Маленькая, высохшая. Голову набок повернёт, посмотрит на блюдце, да боится остановиться. Много их залетело к нам на палубу. Вот и плывут без воды, без пищи. Высыхают в океане. Погибают. Поставил плотник блюдце, обратно на цыпочках отошёл. Рядом со мной остановился. А ласточка осмелела, напилась и крыльями замахала. Силу почувствовала.

Обрадовались мы, разговорились. Вдруг видим, капитан бежит, на мачту показывает:

— Винтовку давай, бить его.

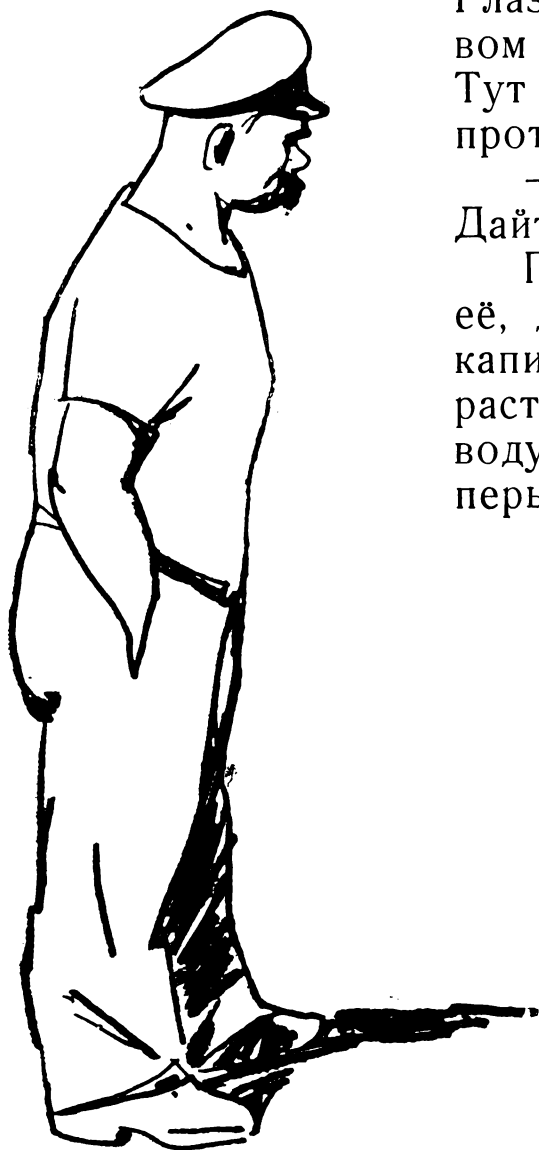
Над мачтой коршун кружит. Видно, тоже в по-

гоне за птицами к нам залетел. Ласточку нагоняет. Она за мачту — и коршун за ней. Тут вынесли винтовку. Капитан выстрелил на лету — мимо. Только пуля о мачту звякнула. Коршун подпрыгнул, взмыл вверх и оттуда в море за ласточкой. Скрылись они из виду. Кто-то вздохнул: „Пропала птица“. А ласточка с другой стороны заходит. Вот-вот за корму нырнёт. Спрячется. Да коршун лапу вытянул, упал вниз и тяжело стал подниматься кверху мачты.

Уселся, осмотрелся вокруг. Глаза горят. Вот-вот клювом ударит, добьёт птаху. Тут все к капитану руки протянули:

— Дайте винтовку!
Дайте!

Плотник схватил было её, да поздно. Выстрелил капитан. Качнулся коршун, растопырил крылья — и в воду вниз головой! Только перья над палубой закру-

жились. А из его когтей чёрное пятнышко метнулось. Ласточка. Перья поправила, на корму побежала. Туда, где блюдце стоит.

ТРОПИЧЕСКАЯ БАНЯ

Посреди океана у нас пресная вода стала подходить к концу. Только для питья осталась. А мыться приходится забортной, солёной. Мы с боцманом на палубе бассейн из досок сбили, брезентом обтянули. Купаемся и в перерыв, и после вахты. Ныряем с трюмов. Только пятки мелькают. Своё море на палубе.

А всё-таки хочется настоящей, пресной водой соль смыть. Скоро мы к каким-то островам подплыли. А за ними облака начались. Красные, голубые, сиреневые. И не придумаешь сам таких. А от каждой тучи вниз тёмные полосы тянутся. Из каждой свой дождь идёт. И радуга своя. Тут все на палубу выскочили. И боцман, и плотник, и капитан. Пляшут, мылом натираются. И я за мыло взялся. Только намылился, мне одной тучки не хватило. Вот так фокус! Хорошо, следующая скоро поспела.

„КАПИТАЛИСТ“

Полным ходом мы подходили к Сингапуру. Давно я об этом городе слышал. И что обезьян там прямо на базарах продают, и попугаев. И бананы прямо на улицах растут.

Я уже разглядывал домики на сваях, тропические заросли, когда из-за мыса навстречу нам вылетело несколько джонок. Это лодки такие. На носу каждой человек стоит, верёвкой размахивает. Моторы тарахтят. На джонках малайцы с ящиками, тюками. Выкрикивают: „Давай, давай!“

Подлетели к нам, канаты с крючьями на палубу забрасывают, карабкаются вверх. Около меня мальчишка взбирается. Лезет, торопится и вниз поглядывает — не сорваться бы: акула не прозевает! Вскочили на палубу — и мигом место захватывать. Бегут друг другу навстречу, чуть лбами не сшибаются. Удивился я, спрашиваю у боцмана:

— Что это они?

Боцман мне подмигнул:

— Сейчас базар будет. Цирк!

Один малаец ковры разворачивает, другой коробки какие-то открывает. А мой мальчишка на циновке пуговицы разложил, зажималки ржавые, иголки. И ходит около них, важно вышагивает. И сам-то себе важным кажется. Торгует! Я спрашиваю у него:

— Что, это хозяин тебя поставил?

Он возмутился:

— Я сам хозяин! — Подумал, поднял вверх палец и добавил: — Капиталист!

Мы только рассмеялись. А он закурил огрызок сигары, важно расхаживает. Маленький, ноги кривые, и рот беззубый. От болезни. А тоже в капиталисты тянется. Потом протянул мне булавку и говорит:

— Покупай, американская. У русских ведь таких нет!

Да только опять все рассмеялись.

Пошли мы в город. И „капиталист“ наш собрался. Плохо шла у него торговля. По дороге не поладил с полицейским. Развернулся полицейский да как даст ему по шее. Стал собирать парень рассыпанные булавки и зажигалки. Носом шмыгает. Даже и „капиталисту“ в таком случае не очень весело.

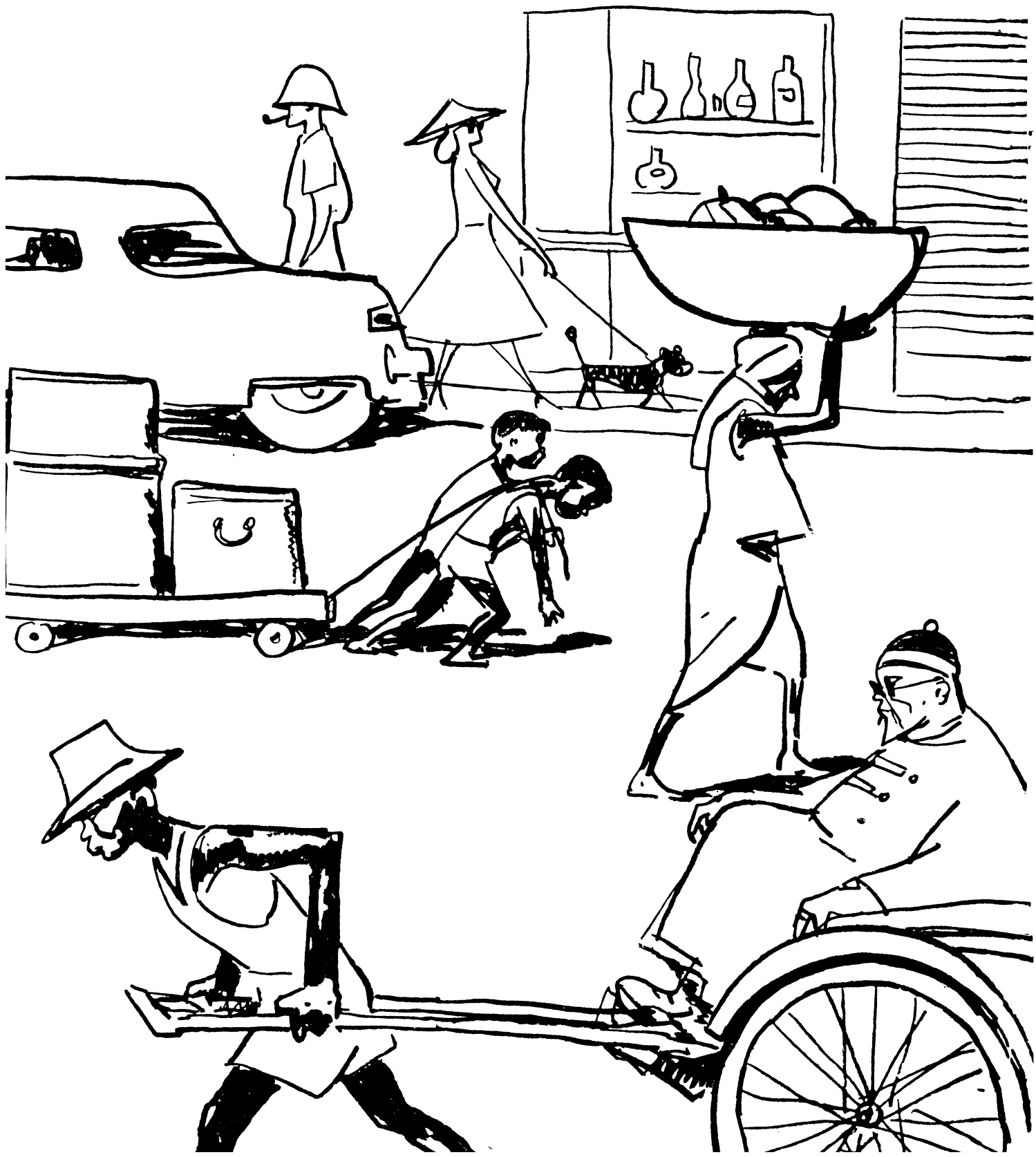
В СИНГАПУРЕ

В Сингапуре мы в Октябрьские праздники оказались. Я радиogramму поздравительную получил. И другие тоже. Оделись мы празднично, в город выбрались. Вышли на главную улицу — Сити. Дворцы в небо поднимаются, фонтаны под пальмами сверкают. Торговцы-индусы важно расхаживают. В чалмах, халатах. Английские офицеры разъезжают в машинах, головы на сиденья откинули. Китайцы богатые прогуливаются.

Тут вышла из-за угла маленькая девочка-индианка с пятнышком на лбу, ручонку протягивает,

Coca Cola

S.M.

милостыню просит. Дали мы ей монетку, за угол свернули.

Навстречу нам человек. Тощий, испуганный, тележку тянет, кричит:

— Садитесь, подвезу...

Это рикша.

Боцман остановил его, пальцем на тележку показывает, объясняет:

— Ты садись, а я подвезу!

Тот даже испугался, руками замахал, а боцман подмигнул:

— То-то! А мы, советские, на людях и подавно не ездим.

Забрели мы на какую-то улочку. Боцман её одним шагом перемахнёт. Духота вокруг, даже воздух липкий. Дома старые, закопчённые. Керосином и чесноком пахнет. И небо вдруг пропало. Люди друг над другом, как куры на насесте, сидят. Кто осьминогами и каракатицами торгует. Кто требуху жарит. Над головой бельё сырое качается. А детвора кругом голая, грязная.

А вот через улицу два малыша тележку тянут. На ней баки с водой большие, тяжёлые. Нагнулись ребята, налегают изо всех сил. Отдохнут чуть-чуть и снова тянут. Посмотрели мы — боцман говорит:

— А ну-ка, поможем работникам.

Подошли мы к ним, взялись за верёвку, а она от пота мокрая. Потянули быстрей, перетаскили через улицу. Улыбнулись малыши, а сами отдышаться не могут. Даже от мух не отмахиваются. Собрались мы дальше, а за спиной опять тележка тарахтит. Оглянулся — малыши топают.

А у нас дома праздник, демонстрация. Школьники с флажками идут. Вот бы этих ребятишек туда!

ДУСИНЫ ИМЕНИНЫ

Хлеб у нас на пароходе всегда вкусный, пышный. Это наш пекарь Дуся работает.

Сама маленькая, круглая, а управляется ловко. Как начнёт хлебы в печь сажать, так по всему океану сдобные запахи.

Поди, на встречных пароходах оглядываются, слюнки глотают.

А в Сингапуре надела она праздничный фартук,

розами расписанный, светлой косынкой повязалась.

Вздыхает и говорит:

— Пойду пирогов напеку. Именинница я сегодня.

Стала тесто месить, печь пироги. Так запахи за иллюминатор и потянулись. А на палубе у нас сингапурские грузчики работали — индусы, китайцы, малайцы. И женщины среди них были. Трюмы чистили.

В обед каждый отсядет от других в сторонку, наклонится над горшочком или банкой, есть начинает. А кто победней, у того вообще ничего нет. Ходит по палубе, курит.

А тут Дусиными пирогами запахло. Проходят грузчики, в иллюминатор заглядывают, как там пирожки шипят на сковороде, румянятся. Дуся это заметила. Одной женщине пирожок протянула:

— Угощайтесь.

Женщина надкусила, головой от удовольствия закачала. Отломила половину, показывает: „Детям отнесу“.

Дуся ещё один пирог ей дала. Тут другие женщины подошли. От своих горшочков оторвались.

Дала и им Дуся по пирогу. Все охают, хвалят кто по-китайски, кто по-малайски, а от пирожков только пар поднимается.

Тут и сама Дуся разохотилась.

Пошла себе пирожок брать. А там-то всего один и остался. Огорчилась Дуся сначала. И сама-то как следует не угостилась, и команда не попробовала. А потом огляделась — все довольные вокруг стоят, благодарят, кланяются — и рассмеялась:

— Эх, чего жалеть! Зато всем миром именины отпраздновали!

ЗЫБКИЙ ГОРОД

После Сингапура все на теплоходе повеселели. И сам теплоход стал бодрей. В прохладную воду рывками по грудь забирается: приятно после тропиков освежиться. Брызги над головой гудят, у ветра в бороде запутались. Что-то весёлое выстукивает машина. На север повернули — домой! Доберёмся до Японии, а там и до Владивостока один шаг.

Море становится всё холоднее. Насупилось, раскачалось. Подбрасывает теплоход, взбирается на палубу. Волны каждый уголок обшаривают: что бы прихватить с собой?

Бегу я ночью на вахту, волну за надстройкой пережидаю. Прокатится — можно бежать дальше. А дрожь прохватывает — вот-вот снег пойдёт.

Вдруг в темноте что-то вспыхнуло. Зарево! Такое только над большими городами по вечерам бывает. А нам до земли ещё три дня плыть. Взбежал я на мостик — вдали тысячи огоньков мерцают! Я штурману кричу:

— Город!

Тут огни зашевелились, закачались. И вдруг половина города полезла вверх, взлетела над второй половиной и как ухнет куда-то! И другая половина за первой вверх полезла. Что у них там? Землетрясение?

А штурман мне бинокль протянул:

— Город-то особенный.

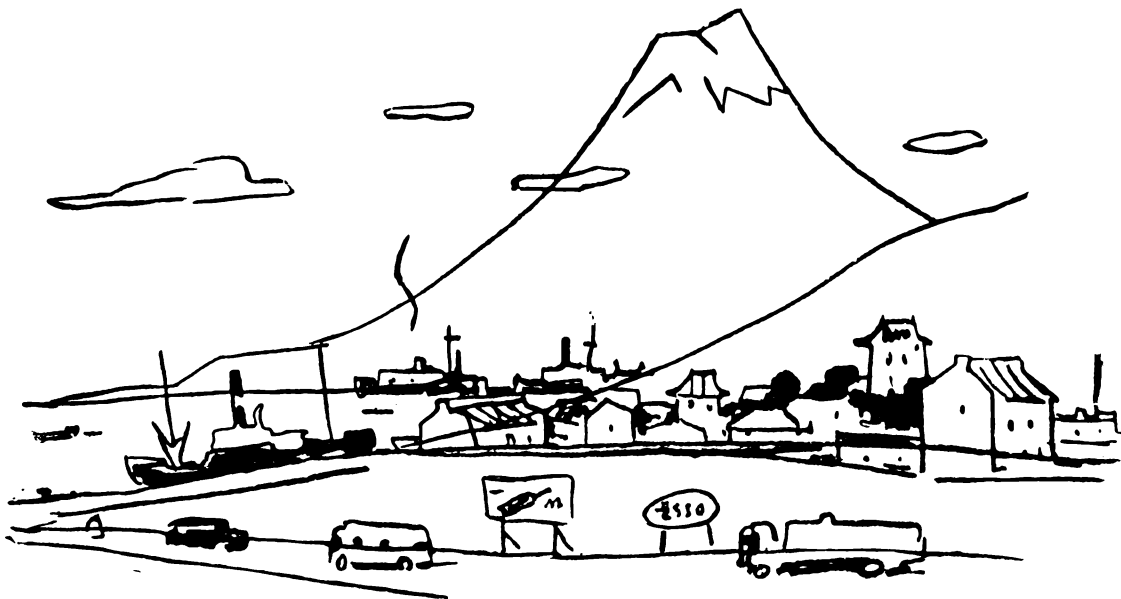
Взглянул я в бинокль, а там сотни маленьких судёнышек качаются, взлетают на волне. Так и живут. Хоть и зыбкая жизнь, а всё-таки вместе. Рыбаки. Тут я и запах знакомый уловил: солёный, рыбный. Как в прошлый раз возле Японии.

Поднёс я бинокль к глазам. Но городок снова взбежал на волну и вниз покатился. Будто на санях с горы. И мы вперёд ушли. Торопимся. Домой.

В ЯПОНИИ

Утром засверкала перед нами снежная гора. А под ней городок. Вежливый, осенний. Деревья — жёлтые, красные. Будто цветные халаты набросили.

Обогнули мы маяк — и к причалу. Спустили трап, сошёл я на берег — по японской земле пройти. Ничего. Держит. Надо мной подъёмный кран грохочет. На причале — две большие чёрные горы. Это руда. И мы руду привезли. Тяжёлая. Как её

выгружать будут? Навстречу мне японки идут. В робах и резиновых сапогах. Сами маленькие, а лопаты у них в руках ого-го! В трюмы спустились.

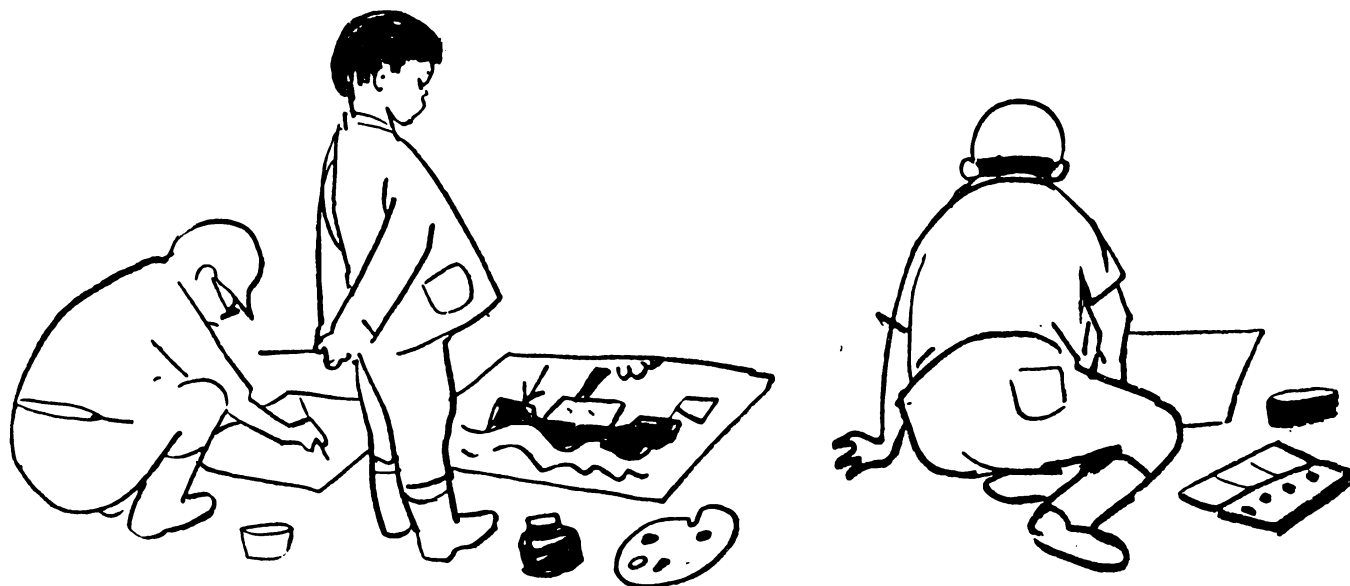
Подошёл я к трюму, а там уже лопатой о руду шурхают. Сгибаются женщины и разгибаются. Что-то звонкое выкрикивают. Руду на сетку бросают. А подъёмный кран её из сетки на причал вываливает. Целый день гора за горой растёт. Японки работают.

ОДИН МАЛЕНЬКИЙ УРОК

Рядом с нами американский пароход стоит. На нём — никого. Один только вахтенный от скуки покачивается. А у нас целый день трап скрип-скрип, скрип-скрип. Студентки идут. Маленькие, звонкие, как колокольчики. Рабочие приходят. Кланяются, улыбаются. Про Гагарина спрашивают:

— Как Юрий поживает?

Школьники придут, долго стоят на причале. Одни голову вверх задирают—нос, трубу рассматривают, другие на борт корабля глядят. Травой оброс, ракушками. Долго теплоход плыл. И в Советский Союз ещё пойдёт. Мальчишки улыбаются, показывают пальцами на себя, а потом на пароход: возьмите, мол, с собой. Знаю, сам таким был.

А однажды пришли ученики с учительницей. В белых рубашках, резиновые сапожки вымыты. У каждого под мышкой по большому альбому, в руках пачка карандашей. Уселись прямо на причале, альбомы разложили. Кто на коленках, кто прямо у ног... И давай рисовать. Только кончики языков из стороны в сторону бегают. И все наш корабль рисуют. Кто маленький. Кто побольше. А один такой большой теплоход нарисовал, что кончать его на другой стороне альбома пришлось.

Посмотрела учительница на часы, окликнула ребят. Стали собираться. Отряхнули пыль с коленок. Друг другу альбомы показывают.

Построились ребята в ряд. Идут, на нас лукаво оглядываются. Хотя сами в плавание не отправились, зато у каждого в альбоме пароход с красным флагом плывёт.

СЛУЖКА НА ЖЁРДОЧКЕ

Были мы с капитаном в городе. Вышли за ворота — дождь льёт. Серый, холодный. По улицам залокотали потоки. Домики вокруг деревянные, как фанерные ящики. Вот-вот город в море поплывёт.

Наконец добрались до центра. Вышли на улицу, а над всем тротуаром крыша прилажена. Идёт народ, одеждой шелестит, только на перекрёстках вдруг десятки цветных зонтиков раскрываются.

Рассматриваем мы всё. Тут рыбу покупают. Там каракатиц продают. Буквы на магазинах, будто жуки, ползут. Вдруг кто-то как крикнет рядом. Смотрим—по жёрдочке попугай расхаживает. Зелёную грудь выпятил. Какую-то речь произносит. Достал я аппарат, дай-ка сфотографирую. А попугай вскинул голову, осмотрел меня круглым глазом и важно отвернулся. Мол, подумаешь, и не такие нас фотографировали! Зашёл я с другой стороны. Он снова оглядел меня и опять спину показывает. Наконец собрался я уходить. Попугай опять ко мне повернулся, грудь, как министр, выпятил, подбоченился: так и быть, фотографируй. Щёлкнул я. И дальше отправился. А птица как прыгнет за мной, как закричит по-японски:

— Заходите в наш магазин, заходите в наш магазин!

Все вокруг засмеялись, а я зашёл в магазин. Попугай наклонил голову, кричит:

— Ар-ри-гато! Ар-ри-гато! Спасибо!

ПРАЗДНИК

В магазине хозяйничали игрушки. Маленькая седая старушка только ухаживала за ними.

Красная пожарная машина с воем летела по прилавку, ударялась о стену, и, щёлкая, взлетала вверх раздвижная лестница. Зелёный резиновый крокодил сердито таращил глаза и бил о полку хвостом. Наверное, из-за того, что я его не купил. А чёрный легковой автомобиль, который старушка только что поставила в коробку, всё гудел и вертел

колёсами. Стоил он очень дорого, и ребяташки только смотрели на него. Купить его никто из них не мог. А ему очень хотелось поездить.

В углу, на полке, стояла маленькая коричневая обезьянка с барабаном. На неё никто не обращал внимания, и глаза у неё были грустные-грустные. Я взял её в руки. Она весело замигала глазами и как ударит в барабан! „Э, — думаю, — такой весёлый пассажир нам пригодится“. Заплатил я за неё, уложил в коробку — и на пароход.

Прощались мы с Японией, поплыли домой. Море гудит, от холода приплясывает, а в каютах веселье. Матросы уселись вокруг боцмана, а сам боцман стоит, ноги расставил, вниз поглядывает, приговаривает:

— Веселей, веселей работай!

А между ног у него паровозик бежит. И гудит, гудит вовсю. Тоже торопится! И есть отчего:

штурман последнюю чёрточку на карте провёл, вся земля пояском оделась. Кругосветное плавание кончилось. Завтра Владивосток!

ВОТ И ДОМ

Только показался берег — высыпали мы на палубу, снежинки ладонями ловим. А Владивосток из-под снежных сопок весело поглядывает и сосновым лесом пахнет. На причалах новые вагоны с лесом для Кубы выстроились.

Значит, снова нам далёкое плавание предстоит. По городу несут зелёные пахучие ёлки. Люди спешат. Новый год уже рядом валенками поскрипывает.

Уложил я вещи, коробку с обезьяной в чемоданчик сунул — и скорее домой. Успеть бы к Новому году! Иду по берегу в пиджачке — уходили-то весной, — снег под ногами скрип-скрип. Холодно, а приятно. Сел в трамвай; вокруг все нарядные, от всех белый пар валит. Вдруг один мальчик на меня показывает и говорит матери:

— Смотри, индус, наверное.

У меня ведь руки коричневые — загорел. Добежал я до дома. Тропинка протоптана. Уже гости, наверное, собрались. В окне огоньки цветные поблёскивают. Вовремя успел! Сейчас уже, наверное, за стол садятся. Вот где расскажу всем про плавание! Про Фиделя, про Франциско и про Сингапур расскажу. Тут собрался я постучать, поставил перед дверью чемодан, а в нём вдруг что-то как забарабанит! Обезьянка. Про себя напоминает, чтоб не забыл. Конечно, и про неё расскажу. Ведь не зря она тоже из такого плавания через бурное море на весёлый праздник торопилась.

О г л а в л е н и е

Прощай, Владивосток!	5
Русский лес	6
Чудеса в океане	9
Пусть светит ярче!	11
В Панамском канале	13
В шлюзах	15
Американцы	16
Негры	17
Панамцы	18
Гавана	21
На вахте	—
Франциско	23
В зоопарке	27
У Фиделя	29
Караколе	32
Неожиданное происшествие	34
Ещё одно событие	37
В Индийском океане	42
Тропическая баня	44
„Капиталист“	45
В Сингапуре	47
Дусины именины	51
Зыбкий город	53
В Японии	54
Один маленький урок	55
Служка на жёрдочке	57
Праздник	59
Вот и дом	61

Для старшего дошкольного возраста

Коржиков Виталий Титович

КАК Я ПЛАВАЛ

•

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Л. Я. ЛИБЕТ.

КОНСУЛЬТАНТ ПО ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ОФОРМЛЕНИЮ

П. И. СУВОРОВ.

ТЕХНИЧЕСКИЕ РЕДАКТОРЫ

С. Г. МАРКОВИЧ И Г. А. ПОДОЛЬНАЯ.

КОРРЕКТОР

Н. М. КОЖЕМЯКИНА.

Сдано в набор 20/IV 1964 г. Подписано к печати 14/VIII 1964 г. Формат
84 × 108¹/₁₆. Печ. л. 4,25. Усл. печ. л. 6,97. Уч.-изд. л. 4,93. Тираж
300 000 (1—150 000) экз. ТП 1964 № 54. Цена 23 коп.

Издательство „Детская литература“.

Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика „Детская книга“ № 2 Росглавполиграфпрома Государствен-
ного комитета Совета Министров РСФСР по печати, Ленинград,
2-я Советская, 7. Заказ № 404.

6809924426/01
2.75

